

DOI: 10.31857/S241377150007304-7

Личность и творчество Георгия Иванова в рецепции Игоря Меламеда

© 2019 г. А. А. Семина

Кандидат филологических наук,
специалист по учебно-методической работе филологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские Горы, д. 1,
seminaaa@yandex.ru

Дата поступления материала в редакцию: 15 февраля 2018 г.

Дата публикации: 31 октября 2019 г.

Резюме. В статье доказывается, что Г. Иванов оказал сильное влияние на И. Меламеда, чья поэзия в настоящий момент еще практически не изучена. Влияние Г. Иванова проступает не только непосредственно в стихотворениях (в форме лексических, метрических и мотивных цитат), но и в статьях и эссе Меламеда, многократно обращающегося к опыту поэта русского зарубежья и называющего его имя в одном ряду с Пушкиным. Именно Г. Иванов становится для него автором “совершенной поэзии”, чья гармония может выступать доказательством бытия Бога, — несмотря на экзистенциальность сознания героя большинства стихотворений и чувство богооставленности, пронизывающее всю позднюю лирику поэта. Физиологичность стихов И. Меламеда, получившего в 1999 г. тяжелую травму позвоночника, сближает его позднее творчество с “Посмертным дневником”. Хотя катастрофичность мироощущения Г. Иванова во многом была обусловлена поворотами истории первой половины XX в., а настроения лирики И. Меламеда — исключительно событиями его частной жизни, — их художественные системы оказались чрезвычайно созвучными и могут служить примером вневременного диалога русской поэзии в XX в.

Ключевые слова: Г. Иванов, И. Меламед, поэтика, рецепция, преемственность.

Для цитирования: Семина А.А. Личность и творчество Георгия Иванова в рецепции Игоря Меламеда // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 5. С. 59–69. DOI: 10.31857/S241377150007304-7

Georgy Ivanov's Personality and Work in Igor Melamed's Reception

© 2019 Anna A. Semina

Cand. Sci. (Philol.),
Methodology Specialist at the Philological Faculty of the Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
seminaaa@yandex.ru

Received: February 15, 2018

Date of publication: October 31, 2019

Abstract. In this article the author demonstrates, that G. Ivanov's influence on I. Melamed's poetics was very pronounced. Melamed's poetry has not been thoroughly scrutinized yet. The impact of G. Ivanov's works is traceable not only in his lyrics (in lexical, metrical and motif quotes), but also in his essays and articles. Melamed often appeals to the experience of the poet of the Russian émigré community and values him on a par with A. Pushkin. For Melamed, G. Ivanov became a creator of an accomplished poetry, the harmony of which testifies to God's existence, despite the existential notes in his poetic voice and despite the feeling of God-forsakenness, which penetrates all his late works. Physiological poetics of lyrics by I. Melamed, who suffered a vertebral injury

in 1999, places them in close quarters with “Posthumous Diary”. Although the apocalyptic mental outlook of G. Ivanov was mostly determined by tragic sinuosity of the first half of the 20th century, whereas the spirit of I. Melamed’s lyrics is explained by the events of his private life, their artistic systems seem to be in unison and might be considered as an instance of a dialogue across time within the Russian poetry of the 20th century.

Key words: G. Ivanov, I. Melamed, poetics, reception, succession.

For citation: Semina, A.A. *Lichnost i tvorchestvo Georgiya Ivanova v retseptsii Igorya Melameda* [Georgy Ivanov’s Personality and Work in Igor Melamed’s Reception]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2019, Vol. 78, No 5, pp. 59–69 (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150007304-7

Поэзия Игоря Сунеровича Меламеда (1961–2014) сегодня почти не исследована. Влияние Г. Иванова на его стихи не исследовано тем более, хотя показательно, что практически каждый, кто писал что-либо о Меламеде, не мог не коснуться вопроса о том, насколько близок ему Г. Иванов, или невольно о последнем упомянуть. Так, К. Кравцов сопоставляет их по принципу отношения к поэтической традиции: «...Об этом и пытался напомнить Игорь, утверждая в своих стихах и обосновывая теоретически свою верность поэтической традиции, которая суть передача. Сохранение “драгоценного знания”, как определял поэзию Георгий Иванов...» [1]. Вскользь о сходстве их поэтики замечает Виктор Куллэ: «Поминаемая Меламедом в связи с “Посмертным дневником” Георгия Иванова “безыскусность после “искусства” служит, пожалуй, наиболее точным определением его собственной поэтики» [2]. Е.А. Иванова называет Иванова, наряду с другими, его учителем [3]. Впрочем, А.Э. Скворцов, напротив, предполагает, что “творчество Иванова вряд ли было ему близко в целом” [4]. Неоднозначность позиций литературоведов, таким образом, свидетельствует об актуальности и значимости данной проблемы, ведь оснований для выстраивания поэтической генеалогии “Иванов–Меламед” более чем достаточно: в книге статей и эссе Меламеда “О поэзии и поэтах” (2014) имя Г. Иванова упоминается более 18 раз.

Из эссе и статей И. Меламеда можно заключить, что у них с Г. Ивановым довольно сходные требования к поэзии. Сближали их и “переводческие” предпочтения: и Иванов, и Меламед оставили свой след в русской литературе как переводчики поэтов “озерной школы”. И. Меламедом были переведены баллады С.Т. Кольриджа и поэзия У. Вордсворта; в период реализации горьковского проекта “Всемирная литература” Г. Иванов также выполнил перевод нескольких стихотворений Вордсворта и поэмы Кольриджа “Кристалль”, которым чрезвычайно дорожил и в эмиграции¹. Выбор

Иванова не был случайным: по словам В. Крейды, его во многом предопределили особенности его собственной поэзии того периода [6, с. 132–133]. Примерно то же самое говорят и современники Меламеда о соотношении его стихов и данного переводческого проекта [7, с. 27].

Отсылки Меламеда к Иванову в книге статей и эссе “О поэзии и поэтах” свидетельствуют о практически безоговорочном признании авторитета последнего. Показателен следующий фрагмент, где Иванов как творец “совершенных произведений” назван в одном ряду с Пушкиным: «Но рассуждения Ильина о “пророческом призвании” художника крайне сомнительны... Совершенное произведение самодостаточно. Георгий Иванов, например, ничему, кроме гармонии, не служил и пророческим призванием себя не обременял. А что и Пушкин “нимало не претендовал на “важный чин” пророка”, довольно убедительно доказал Ходасевич» [8, с. 79]. В другой работе Меламед еще красноречивее заявляет о своих литературных предпочтениях: «Отсутствие просветления — в смысле благословения Божьего мира, каким бы ужасным и невыносимым он порой ни казался, — может быть уделом и выдающегося творчества... Такова — за редкими исключениями — великая поэзия Георгия Иванова², “в которой отразился век, и современный человек изображен довольно верно...”» [8, с. 145–146]. Очередное сопоставление с Пушкиным снова говорит само за себя.

В статьях И. Меламеда Г. Иванов дает о себе знать даже там, где подобное появление не может быть обусловлено, казалось бы, ничем — кроме ощущения абсолютной созвучности установок. Создается впечатление, что Иванов для Меламеда не просто поэт: с повышенным вниманием

¹ В. Крейд обращает внимание на следующий фрагмент письма Г. Иванова главному редактору “Нового журнала” М. Кар-

повичу, написанного в конце ноября 1953 г.: «“Кристалль” вещь первоклассная (не говорю уж о самом Кольридже, — первоклассная как передача его). Чтобы дать Вам понятие о качестве перевода, прилагаю заключение, оставшееся нетронутым, как было, и которое М. Лозинский, прочтя, развел руками: я бы так перевести не мог». Цит. по: [5, с. 92–93].

² Курсив мой. — А.С.

последний прислушивается и к литературно-критическим, и к мировоззренческим замечаниям негласного лидера “Парижской ноты”. Так, чрезвычайно важными и, по-видимому, резонирующими с собственным мировидением становятся для Меламеда замечания Иванова о Блоке [8, с. 66], о Мандельштаме [8, с. 91, 93], о природе таланта [8, с. 38], об отношении Пушкина к взаимосвязи “поэт и толпа” [8, с. 114–115]... Ссылается Меламед на Иванова и там, где логика текста этого совершенно не предполагает: «Иногда кажется, что Блажеевский живет в эфемерном мире, в котором, как сказал Георгий Иванов, “всё — потеря и урон» [8, с. 142]. В приведенном фрагменте Меламед цитирует стихотворение “Зима идет своим порядком...”, включенное в ивановский “Дневник”. Возможно, именно отсюда *урон* — довольно редко употребляемое и сегодня в некоторых словарях сопровождающееся пометой “книжн.” слово — попадает в стихотворение самого Меламеда:

...Вокруг — такая тишь,
которая уже не связывает с миром,
а исподволь сулит разлуку и урон.

Неужто оттого я так немного значу,
что плачу посреди утрат и похорон
я только о себе, когда о ком-то плачу?... [9, с. 50]

Потеря Иванова, в свою очередь, становится здесь более “книжной” *утратой*.

Присутствует в статьях Меламеда фрагмент, побудивший А.Э. Скворцова сделать вывод о том, что эстетика Иванова не была ему близка (дословную цитату данного суждения см. выше). Текст этот следующий: «В двадцатые годы некоторые эмигрантские критики объявили Ходасевича наследником Блока, в чем поспешил ему отказать Георгий Иванов. Усмотрев в “совершеннейших ямбах” Ходасевича отсутствие любви, скуку и презрение к миру, Иванов иронически вопрошал: “Какую “радость” несет его песня?”. <...> ...этим своим приговором Иванов невольно “высек” собственную будущую поэзию. И ему впоследствии стало “гадко в этом мире гадком” и “скучно, скучно до одуренья”, и в его стихах в конце концов прорвалась “накипевшая за годы злость, сводящая с ума”.

Благодатная русская поэзия началась с гимна Творцу в державинской оде “Бог”. Ровно через полтора столетия в страшных и совершенных стихах Георгий Иванов скажет: “Хорошо, что Бога нет”. Однако мы не верим Иванову, и не только оттого, что это “говорит безумец в сердце своем”. И обнадеживает нас даже не глубина метафизического отчаянья поэта, а удивительная гармония

этих стихов, сама по себе убеждающая, что Бог — есть» [8, с. 77–78].

Если и присутствует в данном фрагменте некое осуждение Г. Иванова со стороны автора, то исключительно религиозно-философского характера (“*кощунства*”). К поэзии Иванова, напротив, у Меламеда претензий нет: более того, именно стихи “примиряют” критика с ивановскими приступами отчаяния. Его заслугу Меламед видит как раз в том, что “дисгармоничную действительность” Иванов “умел изображать гармоническими средствами” [8, с. 56]. Интересно, что, вопреки декларируемому автором неприятию безысходной интонации поздних стихов Г. Иванова, стихи самого Меламеда критики и литературоведы склонны характеризовать практически в тех же самых категориях: так, анализируя “Городские ямбы” Меламеда, В. Куллэ замечает: «Невольная, скорее всего, переключка с “совершенными и страшными” (Меламед) стихами Георгия Иванова обнажает здесь одновременно силу и слабость авторской позиции...» [2]. Е.А. Иванова прямо называет его “поэтом катастрофического сознания”: “Игорь Меламед был поэтом катастрофического сознания, а его лирический герой — подлинно трагическим героем. <...> Каждое стихотворение было для него в каком-то смысле последним” [3]. О катастрофичности сознания Г. Иванова уже говорили не раз — например, А.Ю. Арьев [10, с. 172, 174].

Вместе с тем гораздо отчетливее “родство” художественных миров Иванова и Меламеда прослепается в стихах последнего — в их интонации, стилевой манере, текстовых, мотивных, образных параллелях... Как отмечал И.В. Фоменко, “цитата — это возможность диалога с другими текстами, диалога, который обогащает авторское высказывание за счет цитируемого текста” [11, с. 508]. Эту же мысль развивает Н.В. Налегач, понимая под поэтическим диалогом в том числе и “форму обращения в пределах произведения к опыту другого поэта” [12, с. 6]. Исходя из указанных предпосылок, попытаемся проследить, как часто и какими средствами И. Меламед в своих стихах обращается к опыту Г. Иванова.

Особенно интересным с точки зрения диалога с Ивановым представляется стихотворение Меламеда “Два голоса” 1988 г.:

“Бог даст, и ты покинешь эту явь,
как милое, но скудное предместье
иного града, лучшего...” — “Оставь!
Ещё никто блаженного известия
не подавал оттуда никому...” —
“Увы, не сообщаются сосуды.
Бог даст, и ты покинешь эту тьму...” —

“Ещё никто не присылал оттуда
ни голубя, ни голоса... Дыряв
его челнок...” — “Но сказано ж: не весь я...
И надобности нет в поводьях...” —
“Ещё никто ни ласточкой, ни вестью
оттуда не выпархивал...” — “И что ж?...” —
“Ни отклика, ни смутного глагола.
Всё ненавистней слабых пальцев дрожь.
Всё нестерпимей привкус валидола...” [9, с. 88].

Хотя, по мнению В. Куллэ, стихотворение “Два голоса” “апеллирует к диалогизму Бродского 60-х годов” [2], гораздо более очевидна, как представляется, параллель с известным стихотворением из ивановского “Дневника”:

— Когда-нибудь, когда устанешь ты,
Устанешь до последнего предела...
— Но я и так устал до тошноты,
До отвращения...
— Тогда другое дело.
Тогда — спокойно, не спеша проверь
Все мысли, все дела, все ощущения,
И если перевесит отвращенье —
Завидую тебе: перед тобою дверь
Распахнута в восторг развоплощенья [13, с. 435].

Как и Г. Иванов, Меламед моделирует ситуацию диалога, причем в обоих стихотворениях лирический герой и его собеседник перебивают друг друга, благодаря чему тексты максимально приближаются к естественной речи. Стихотворения имеют одинаковые ритм и интонацию; в обоих предметом обсуждения становится смерть лирического героя: если герой Г. Иванова видит в ней избавление от “тошноты” жизни, то герой Меламеда страшится небытия (“*Всё ненавистней слабых пальцев дрожь. / Всё нестерпимей привкус валидола*”). Если собеседником героя Иванова может выступать Бог (поскольку завидует его смертности), то о собеседнике героя Меламеда этого сказать нельзя, т.к. его первая реплика начинается с характерного для разговорной речи оборота “Бог даст”. По-видимому, стихотворение И. Меламеда может представлять диалог лирического героя с самим собой, восходящий к диалогизму расщепленного сознания некоторых героев Достоевского, подробно рассмотренному М. Бахтиным [14, с. 309–360], когда “слово о себе героя строится под непрерывным воздействием чужого слова о нем” [14, с. 313]. Функцию подобного автодиалога [15, с. 53] Бахтин определяет следующим образом: он “позволяет заместить своим собственным голосом голос другого человека” [14, с. 322]. Поскольку герой Меламеда рассуждает о предмете, болезненном для него (смерть), можно предположить, что перебивающие друг друга реплики отражают борьбу скепсиса и надежды,

которая происходит в его душе. В то же время очевидная отсылка к стихотворению Г. Иванова может означать и сознательную установку на диалог с поэтом-эмигрантом.

Перекликаются также, по-видимому, и следующие стихотворения поэтов:

В эту полночь, в эту выюгу
долго, долго снится мне,
как по замкнутому кругу
бродят стрелки в тишине.

Как из плоского бутона
две безумные пчелы
тяжело и монотонно
время пить обречены.

Собирать с минуты влажной
смертоносный свой нектар.
И накапливать протяжный,
оглушительный удар [9, с. 58].

Где-то белые медведи
На таком же белом льду
Повторяют “буки-веди”,
Принимаясь за еду.

Где-то рыжие верблюды
На оранжевом песке
Опасаются простуды,
Напевая “бре-ке-ке”.

Все всегда, когда-то, где-то
Время глупое ползет.
Мне шестериком карета
Ничего не привезет [13, с. 357].

Как видно из сопоставления, стихотворение Меламеда содержит метрическую цитату из стихотворения Г. Иванова, что подтверждается и некоторыми другими особенностями: в обоих текстах поэты обращаются к анималистическим образам (пчелы, медведи, верблюды), и в обоих случаях образы зверей носят условный характер, т.к. необходимы авторам только для того, чтобы выразить свои отношения со временем. И Иванов, и Меламед подчеркивают его медленное течение (“*тяжело и монотонно / время пить обречены*” — “*время глупое ползет*”). Показательно, что оба поэта при этом обращаются к хронотопу зимы (“*в эту полночь, в эту выюгу*” — “*белые медведи / на таком же белом льду*”), которая ассоциируется у них с замедленным течением времени. Однако оба поэта представляют вниманию читателя также хронотоп, контрастирующий с первым, словно подчеркивая абсолютность и повсеместность данного ощущения: у Меламеда смещение пространственно-временных планов происходит во сне; у Иванова подчеркивается намеренная случайность подобного

выбора (“*где-то*”). В то же время важно отметить различия: если у Иванова доминирующим настроением оказывается скука, на что указывает эпитет “*глупое*”, применяемый по отношению ко времени, — то Меламед делает акцент на его разрушительной природе (“*и накапливать протяжный, / оглушительный удар*”). Понимать природу данного удара можно двояко: это либо удар часов (поскольку пчелы ассоциируются у лирического героя со стрелками, которые “копят” его в течение часа), либо удар, который однажды преподнесет герою время, когда истечет срок его жизни (не зря нектар “пчел” назван “*смертоносным*”). Стихотворение Меламеда написано в характерной для Г. Иванова манере, когда последнее четверостишие внезапно придает предшествующему тексту иное — обычно трагическое — звучание. Данный прием в порядке вольной ассоциации можно соотнести с известным предположением Элиота о том, что “прошлое точно так же видоизменяется под воздействием настоящего, как настоящее испытывает направляющее воздействие прошлого” [16, с. 159]. В то же время он коррелирует со спецификой поэзии как таковой, для которой характерен “возврат” к предшествующему тексту, как отметил, ориентируясь на этимологию, Р. Якобсон: “существо поэтической техники состоит в периодических возвратах, и это проявляется на каждом уровне языка” [17, с. 99].

В третьем стихотворении триптиха Меламеда “Городские ямбы” также можно различить ивановскую интонацию (ниже приводится фрагмент):

И падает холодный отблеск синий
на нашу жизнь, на всё, что мы любили.
И медленно ложится чёрный иней
на парапеты и автомобили [9, с. 124].

Синий и черный — наиболее характерные для поэзии Иванова цвета, а иней представляет собой “снежную кристаллическую массу, образующуюся из водяных паров воздуха и оседающую тонким слоем на охлажденных предметах” [18, с. 312]. Снег же, по замечанию исследователей, является словом, чрезвычайно частотным в творчестве Г. Иванова [19, с. 58]. Приведенный фрагмент может отсылать к стихотворению Иванова “Теплый ветер веет с юга...”: “*Замечает быстро вьюга / Все, что в мире ты любил*” [13, с. 263], — однако более вероятной представляется отсылка к следующему тексту:

От синих звезд, которым дела нет
До глаз, на них глядящих с упованьем,
От вечных звезд — ложится синий свет
Над сумрачным земным существованьем.

И сердце беспокоится. И в нем —
О, никому на свете незаметный —

Вдруг чудным загорается огнем
Навстречу звездному лучу — ответный.

И надо всем мне в мире дорогим
Он холодно скользит к границе мира,
Чтобы скреститься там с лучом другим,
Как золотая тонкая рапира [13, с. 292].

Следующее стихотворение И. Меламеда также, по-видимому, содержит множество отсылок к поэзии Г. Иванова:

Только спать, забывши обо всём.
Задуть последние желанья.
Сладко ли тому, кто в мире сём
родился в эпоху умиранья?

Ни о чём не думать — только спать,
ничего не видя и не помня.
Погружаясь в ночь, воображать
бурые кладбищенские комья.

И в каком-то самом давнем сне
изумиться: Боже, неужели
летним днём на маленьком коне
это я кружусь на карусели?.. [9, с. 127]

Стихотворение начинается в характерной для Иванова манере, словно бы не с начала (стихотворений, начинающихся со слова “только” у него целых три). В приведенном фрагменте различными отсылками к следующим строчкам Г. Иванова: “*Так и надо — навсегда уснуть, / Больше ничего не надо*” [13, с. 256]; “*Иль просто — лечь в холодную кровать, / Закрывать глаза и больше не проснуться...*” [13, с. 280]; “*Ничего, как жизнь, не зная, / Ничего, как смерть, не помня*” [13, с. 257]; “*В озере купаться — Как светла вода! / — И не просыпаться / Больше никогда*” [13, с. 416]. “Умиранье”, возникшее в стихотворении Меламеда, также не может не быть отсылкой к позднему творчеству Иванова, сделавшего умирание основной темой своей эмигрантской лирики (сначала метафорически — под влиянием ностальгических настроений, а затем буквально — в цикле “Посмертный дневник”).

Созвучность поздних стихов Меламеда с “Посмертным дневником” Иванова неслучайна: в 1999 г. поэт пережил тяжелую травму позвоночника и оказался прикованным к постели, постоянно испытывая сильную боль. Сосредоточенность на собственных ощущениях и буквальное проживание каждого мгновения как очередного этапа продвижения к смерти сближают лирического героя поздних стихов Меламеда с умирающим героем “Посмертного дневника”. По словам исследователей, “стихи этого периода практически лишены тропов, однако они не становятся ни проще, ни примитивнее. В них изображено реальное

столкновение ада и рая с повседневностью обыкновенного человека, и эта реальность не нуждается в украшательстве. Самые трагичные и, можно сказать, страшные стихотворения Игоря Меламеда — это точный, нисколько не приукрашенный отчёт о том, что происходит в душе человека, переживающего телесные муки” [3]. То же самое можно было бы сказать и о последнем цикле Г. Иванова, простота и физиологичность которого перерастают поэзию и приближаются к документу. В то же время необходимо отметить, что начала подобной поэтики проявляются в стихах Меламеда еще более раннего периода — как, например, в стихотворении “Больница” 1986 г., посвященном Ирине Хроловой (текст приводится не полностью):

Если всё-таки выживем мы,
если всё-таки ангел небесный
наши жизни отмолит у тьмы,
остановит, безумных, над бездной...

Если только мой голос живой,
если всё, что сейчас говорю я,
не уносится вместе с тобой
в беспросветную ночь мировую... [9, с. 72]

Если провести параллель с творчеством Г. Иванова, вспоминаются следующие стихи: “Если все, для чего мы росли, / И скучали, и плакали оба, / Будет кончено горстью земли / О поверхность соснового гроба...” [13, с. 501]; “Опускайся на дно мирового тумана, / В непроглядную ночь мировой пустоты” [13, с. 515].

Но не только к “Посмертному дневнику” апеллирует Меламед при обращении к опыту Г. Иванова. Содержатся в его лирике и отсылки к текстам из более ранних сборников — как, например, в последнем катрене стихотворения 1981 г.:

Я выйду с вещами на маленький дворик,
Дожливое утро задышит озоном.
Прощай, моя радость. Прощай, моё горе.
Я выписан в мир безнадежно спасённым
[9, с. 200].

Характерное оксюморонное сочетание безнадежности и освобождения встречается и в стихотворении Г. Иванова из “Портрета без сходства”:

Вот я иду по осеннему полю,
Все, как всегда, и другое, чем прежде:
Точно меня отпустили на волю
И отказали в последней надежде [13, с. 320].

Если герой Меламеда испытывает освобождение от любви (и, соответственно, от сопряженных с ней страданий, вследствие чего называет свое освобождение все же “спасением”), то

первопричиной настроения героя Иванова, по видимому, послужила эмиграция.

Если согласиться вслед за Н. В. Павлович, что образ представляет собой в том числе и “то, что несет смысл и вне данного текста, имеет историю, прототипы, и отсюда пояснение значения образа на основе его аналогов в прошлом” [20, с. 27], поскольку “каждый образ существует в языке не сам по себе, а в ряду других — внешне, возможно, различных, но в глубинном смысле сходных образов — и вместе с ними реализует некий общий для них смысловой инвариант, т.е. модель, или парадигму” [там же], можно постараться очертить круг образов и мотивов, общих для данных поэтов и потому являющихся возможным доказательством того, что в поэзии И. Меламед во многом выступает “наследником” Г. Иванова. “Универсальную топологию” стихотворений И. Меламеда Д. Бак определяет следующим образом: “...бессонница в морозную ночь, снегопад, боль одиночества, оставленности, тёплое объятие родного человека на мировом холоде, которое обречено на умирание” [7, с. 11]. Даже из данного перечня можно выделить круг тем, близких и Г. Иванову: умирание, обреченность, оставленность (в т.ч. и Богом), снег, мировой холод... Отмечает исследователь и связь поэта с экзистенциализмом: “Здесь уже человек как таковой, не наделенный конкретной и уникальной земной биографией, страдает от заброшенности в одиночество, в отсутствие высшего, абсолютного тепла и дружеского вспомоществования” [7, с. 12].

Сопоставив тексты стихотворений обоих поэтов, можно отметить общность их мотивной структуры и выделить целый ряд ключевых и общих для них образов, тем и мотивов. К таковым относятся музыка, смерть (и семантически связанные с ней умирание, кладбище, а также ее мифологемы — ладья, отплытие), боль, снег, свет (и его разновидности сиянье / мерцанье), звезда, пустота. Для лирических героев обоих поэтов часто характерны отчаяние, богоборчество, экзистенциальность сознания, катастрофичность мироощущения. Для выражения их состояний поэты прибегают к символике одних и тех же цветов — синий и черный. Наиболее значимыми в русской литературе фигурами для Г. Иванова и И. Меламеда выступают Пушкин, Лермонтов и Тютчев. Оба обращаются к локусу Парижа — однако если у Г. Иванова он осознается как место вынужденной эмиграции (“...И вот я принесен теченьем — / В парижский пригород, сюда, / Где мальчик огород копает...” [13, с. 404]), то для Меламеда Париж выступает неким идеальным топосом недостижимого счастья (“ничего не поделаешь, не воссоздашь / этот хрип электрички, горящий мираж / золотого Парижа по Рижской дороге” [9, с. 235]).

В отношении поэтики в стихах Иванова и Меламеда можно также выделить общие характерные черты: это *фрагментарность, склонность к автоцитации и автодиалогу*.

Исследователь И.А. Тарасова, составившая “Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова” и определившая его задачу как попытку “представить в словарной форме ядро идиостиля Г. Иванова, выражающее основные категории авторского сознания” [21, с. 5], объясняет, по какому принципу был совершен отбор тех или иных лексем: “...претенденты на вхождение в Словарь подвергаются ярким индивидуально-авторским семантическим преобразованиям..., переосмысливаются в плане традиционно-поэтической символики..., являются центрами семантико-ассоциативных полей, то есть обладают не только идиостилевыми, но и тезауурообразующими свойствами” [21, с. 4]. Как следует из данного словаря, одним из наиболее ярких индивидуально-авторских преобразований Ивановым традиционных поэтических образов стало наделение их танатологической семантикой.

Согласно Словарю, символами смерти в поэзии Г. Иванова становятся такие слова, как *черный, звезда, снег, музыка, сиянье, ночь, закат, тьма, роза, омела, черно-рыжая страница, стена, дверь, забор* [21, с. 165]. Большинство из отмеченных исследователем лексем наделяются семантикой смерти и в поэзии Игоря Меламеда. С учетом рассмотренных выше цитат и отсылок к творчеству Г. Иванова данное обстоятельство позволяет сделать однозначный вывод об их генезисе.

Смерть занимает центральное положение в мотивной структуре лирики обоих поэтов. Это и рефлексия по поводу собственной будущей смерти — иногда принимающая вид констатации данной смерти как уже совершившейся, — и насыщенность практически всех центральных образов танатологической семантикой. В случае И. Меламеда стоит отметить и стихотворения-некрологи, составляющие значительный пласт его поэзии (“Памяти мамы. Два стихотворения”, “Памяти отца”, “Памяти Арсения Тарковского”, “Памяти Евгения Блажеевского”, “Триптих”, “...И о тебе не плачу потому...”, “Повсюду смерть, и смерть, и смерть, и смерть...”, “В своём углу ты всем бывала рада...”, “Ангел кроткий, ангел нежный...” и др.).

Как и у Г. Иванова, у Меламеда *музыка* часто становится символом смерти, при этом она олицетворяется, наделяется чертами живого существа. По словам А.Л. Василевской, “сопоставление с существом понятий из разделов “Пространство”, “Звук” является оригинальной чертой поэзии Иванова, отличающей ее от общепоетической традиции и от

особенностей образных систем Ахматовой и Гумилева” [22, с. 19]. В стихах Иванова и Меламеда музыка иногда изображается как некое смертоносное начало, убивающее лирического героя-поэта, отнимающее у него жизнь взамен созданных произведений: “...И сладким ядом вновь она вольётся в уши. / Желанною змеей твою ужалит тишь. / В глухонемую ночь она тебя задушит, / чтоб выжить ей самой. И ты ей всё простишь” [9, с. 67]; “...Я верю не в непобедимость зла, / А только в неизбежность поражения. / Не в музыку, что жизнь мою сожгла, / А в пепел, что остался от сожженья” [13, с. 321].

Звезда в поэтическом идиолекте Г. Иванова также представляет собой “символ смерти” [21, с. 86] и одновременно с этим “символ вечности и бессмертия (только мн.)” [21, с. 88]. И. Меламед перенимает данный образ. Интересно он преломляется в следующем стихотворении 1983 г., где словно раскрывается в развитии сам процесс переосмысления образа звезды, предпринятый Г. Ивановым: “...И, томимый неясной тоской, / убедит себя в поезде каждый, / что рождён под счастливой звездой, / уберёгшей его не однажды. / Но холодная эта звезда, / как раскрытая страшная тайна, / воссияет на небе, когда / ни один не спасётся случайно...” [9, с. 37–38]. В стихотворении раскрывается мотив предательства со стороны звезды, в поэзии Г. Иванова также нашедший свое отражение: “Как звезда, что мне светила, / Путеводно предала, / Предала и утопила / В Средиземных волнах зла” [13, с. 583]. В другом стихотворении Иванова, также из “Посмертного дневника”, лирический герой слышит, как звезда пророчит ему гибель: “...И слышу, как в небе по азбуке Морзе / Звезда выкликает звезду, / И мне — а не ей — обещает беду” [13, с. 568].

Как было отмечено выше, поэзия Г. Иванова и И. Меламеда тяготеет к автодиалогу. При этом речь, обращенную к себе самому, поэты иногда выделяют графически, заключая ее в скобки:

...Бедная женщина, как же я так?..
(Остановись, отдышись, покури.
Рифму ищи, сам с собой говори.
С ритма сбивайся, спички ломай.
Плачь. Вспоминай. Умирай.)
<...>

Господи, я не прошу ничего! —
Только её из ребра моего
вновь, умоляю Тебя, сотвори!..
(Остановись, отдышись, покури.) [9, с. 52]

Здесь уместно вспомнить одно из самых известных стихотворений Г. Иванова, где внутреннюю речь лирического героя, обращенную к самому себе, поэт также передает в скобках:

Синеватое облако
(Холодок у виска)
Синеватое облако
И еще облака... [13, с. 288]

Как было рассмотрено выше, *снег* в поэзии Г. Иванова также часто ассоциируется со смертью. При этом, по замечанию исследователей, он одновременно может выступать как “атрибут вечности” [21, с. 181], “знак России” [21, с. 180] и “символ ее трагической судьбы” [21, с. 181]. Последние две коннотации у лексемы *снег* в поэзии И. Меламеда отсутствуют, однако первые две присутствуют неизменно — как, например, в следующем стихотворении: «...*И в эту полночь звёздного наркоза / нам будут сниться белые стрекозы / на чёрных обессилевших цветах, / и белый врач из тёмной сказки детской / с улыбкою мальчишеской и дерзкой / на узких, словно лодочка, губах. / Моя рука во тьме меня разбудит. / Зачем, зачем душа моя забудет, / и в памяти исчезнет без следа, / как снег дрожал, как дерево искрилось? / И лишь — “Вечор, ты помнишь, вьюга злилась” — / как снегопад посмертно, навсегда*» [9, с. 228]. В стихотворении преломляется сразу несколько символов поэзии Г. Иванова, семантически связанных со смертью: *снег, ночь, тьма, черные цветы, звезды* (у Меламеда проявившиеся в виде “звездного наркоза”), *лодка*, синонимичная ладье — мифологеме, также наделенной танатологическим смыслом. Примечательно, что Меламед апеллирует к стихотворению Пушкина, в художественной системе Иванова также ассоциирующегося со смертью на снегу (“*И над Невой закат не догорал, / И Пушкин на снегу не умирал...*” [13, с. 299]; “*Александр Сергеевич, вам пришлось ведь тоже / Захлебнуться горем, злиться, презирать, / Вам пришлось ведь тоже трудно умирать*” [13, с. 553]).

В другом произведении Меламеда “Бессонница”, состоящем из четырех стихотворений, *снег* и *смерть* оказываются контекстными синонимами: “...и вслед за ним искусство / уходит прочь из комнаты моей / на снег, на смерть — сродни пустому звуку” [9, с. 35]. В этом же тексте герой сопоставляет хлопья снега с землей, которой засыпают могилу: “*Уже не хлопья в окна бьют, как мяч, / А чёрные кладбищенские комья*” [там же]. В финальных строках тетраптиха поэт также прибегает к танатологическому сравнению: “*И снег летит, как поезд под откос, / своим ночным крушеньем наслаждаясь...*” [9, с. 36].

Черный цвет, выступающий у Г. Иванова “символом смерти” [21, с. 200] и “знаком вечности” [21, с. 202], у И. Меламеда приобретает те же самые коннотации: “...и вознесёшься к белым облакам / или поплывёшь по чёрным водам Стикса” [9, с. 61].

Показательно название его сборника “В чёрном раю”, изданного в 1998 г., и одноименного триптиха. Словно развивая эстетику Иванова в том направлении, в каком не успел это сделать поэт-эмигрант, в одном из стихотворений Меламед создает оксюморонное сочетание “черное сияние”: “*Это, моё тошнотворное / преображая жильё, — / непостижимое, чёрное / льётся сиянье твоё*” [9, с. 89]. В художественном мире Иванова *сияние* также оказывается символом смерти и вечности [21, с. 155].

Наряду с черным, *синий* цвет в художественной системе Г. Иванова также имеет значения “символ вечности” [21, с. 147] и “символ смерти” [21, с. 148]. То же самое относится и к цветовой символике стихотворений И. Меламеда, причем, как и у Г. Иванова, синий и черный в его текстах иногда работают в комплексе³. Так происходит и в рассмотренном выше стихотворении из триптиха “Городские ямбы”: “*И падает холодный отблеск синий / на нашу жизнь, на всё, что мы любили. / И медленно ложится чёрный иней / на парпеты и автомобили*” [9, с. 124]. Отстраненное восприятие героем собственной жизни и глагол “любили” в прошедшем времени наводят на мысль о его вневременности по отношению к земной реальности. По-видимому, синий и черный в данном тексте также соотносятся со смертью и вечностью. Впрочем, нужно признать, что обращение к синему цвету в стихах И. Меламеда, в отличие от творчества Г. Иванова, является редкостью.

Как и для позднего творчества Г. Иванова, для лирики И. Меламеда характерен жанр молитвы — в той разновидности, в какой он возникает еще в поэзии З. Гиппиус, у которой, по словам Л.А. Колобаевой, лирическая молитва превращается в “диалог, даже спор с Богом” [23, с. 49]. По-видимому, именно в ее стихах в русской поэзии XX века Богу впервые предъявляются “упрек в бессилии” [23, с. 44] и “обвинение” в ощущении человеком собственного онтологического сиротства в момент гибели [там же].

Лирика Г. Иванова содержит множество примеров подобного мироощущения. В стихотворении “Не станет ни Европы, ни Америки...” Бог перифрастически определяется как “Тот, кто мог помочь и не помог” человечеству во время атомного взрыва — и потому остается “в предвечном одиночестве” [13, с. 427]. В другом стихотворении Богу предлагается “не робеть” и “размозжить” мир “одним ударом”, поскольку все в нем — даже “мука

³ Данная особенность наглядно передана в оформлении обложки книги стихов “Воздаяние”, вышедшей в свет в 2010 г. в издательстве “Воймега”.

и музыка земли” — оказывается бессмысленным [13, с. 428]. Хотя отмеченные стихотворения Иванова перекликаются с лирикой З. Гиппиус, боготорческий пафос и экзистенциалистский протест некоторых стихотворений Меламеда, по-видимому, восходят к художественному опыту Иванова, чей авторитет для него, как следует из критических статей, был непререкаем.

К стихотворению Г. Иванова “Не станет ни Европы, ни Америки...”, очевидно, восходит следующий текст И. Меламеда 1999 г.:

И лёд на полыхающем виске,
и пламень за картонною стеною...
И если всё висит на волоске —
не мучь меня, но сжался надо мною.

И камень, что летит наискосок,
и пламень, обрывающий молитву...
И Тот, Кто держит тонкий волосок,
другой рукой уже заносит бритву [9, с. 134].

На преемственность по отношению к стихотворению Г. Иванова указывает сходный перифрастический оборот, начинающийся со слов “Тот, Кто...” (но Меламед, в отличие от Иванова, пишет с прописной буквы и местоимение *кто*). Как и в тексте Иванова, данная строка начинается с союза *и*. Стихотворение Меламеда написано в характерной для Иванова (и берущей начало, видимо, в творчестве Тютчева) манере, когда текст не имеет четко обозначенного начала, а словно продолжает уже начатую речь. Присущая поэзии Г. Иванова фрагментарность, таким образом, находит в лирике И. Меламеда свое непосредственное продолжение. Со вторым рассмотренным выше текстом Г. Иванова стихотворение сближает желание лирического героя ускорить приближение собственной смерти, так как одна мысль о ней наполняет его ужасом и ощущением бессмысленности бытия. Как и многие другие стихотворения И. Меламеда, данный текст пронизан “чувством катастрофы” [24, с. 3], свойственным Г. Иванову в эмиграции.

Таким образом, лирика И. Меламеда содержит множество творчески переосмысленных цитат, интонаций, образов и мотивов, характерных для позднего Г. Иванова, а статьи и эссе свидетельствуют о глубинном мировоззренческом и эстетическом “родстве” с ним. Для обоих поэтов оказалось первостепенным обращение к танатологической образности, посредством которой им удалось передать неизбывный трагизм человеческого бытия. Хотя катастрофичность мироощущения Г. Иванова во многом была обусловлена поворотами истории первой половины XX в., а построения лирики И. Меламеда — исключительно

личными событиями его жизни (потеря близких, травма позвоночника, болезненные ощущения), — их художественные системы оказались чрезвычайно созвучными. Поэзия Г. Иванова становится для Меламеда не только “доказательством бытия Бога” и воплощением той совершенной гармонии, которая возникает благодаря подлинному вдохновению, но и примером того, как можно увидеть небесный свет из “черного туннеля” отчаяния. В последние годы жизни И. Меламед увидит этот свет сам и запечатлеет его в собственной лирике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кравцов К. П.* Уроки Игоря Меламеда // Культурная эволюция. URL: <http://yarcen.ru/blogs/konstantin-kravtsov/uroki-igorya-melameda/> (дата обращения: 07.01.2018).
2. *Куллэ В. А.* Существо поэзии // Свой вариант. URL: <http://mspu.org.ua/recense/2162-sushhestvo-royezii.html> (дата обращения: 05.01.2018).
3. *Иванова Е. А.* Поэт катастрофического сознания. Памяти Игоря Меламеда // Prosodia. 2015. № 3. URL: <http://prosodia.ru/?p=1174> (дата обращения: 07.01.2018).
4. *Скворцов А. Э.* Нетолерантная эстетика (Игорь Меламед. О поэзии и поэтах) // Новый мир. 2015. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/5/15skvpr.html (дата обращения: 07.01.2018).
5. *Иванов Г. В.* Избранные письма разных лет / под ред. Л. М. Сурица. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 237 с.
6. *Крейд В. П.* Георгий Иванов. М.: Молодая гвардия, 2007. 430 с.
7. *Бак Д. П.* “Пожизненное детство”. Поэзия и правда Игоря Меламеда // Меламед И. С. Арфа серафима: Стихотворения и переводы. М.: ОГИ, 2015. С. 5–27.
8. *Меламед И. С.* О поэзии и поэтах: Эссе и статьи. М.: ОГИ, 2014. 204 с.
9. *Меламед И. С.* Арфа серафима: Стихотворения и переводы. М.: ОГИ, 2015. 380 с.
10. *Арьев А. Ю.* Жизнь Георгия Иванова. Документальное повествование. СПб.: ЗАО Журнал “Звезда”, 2009. 488 с.
11. *Фоменко И. В.* Цитата // Введение в литературоведение: учебник для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Л. В. Чернец. М.: Издательский центр “Академия”, 2010. С. 506–517.
12. *Налегач Н. В.* И. Анненский и русская поэзия XX века: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Кемерово, 2013. 41 с.
13. *Иванов Г. В.* Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 1. 656 с.

14. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 416 с.
15. Фатеева Н.А. Автокоммуникация как способ раз-
вертывания лирического текста // Филологиче-
ские науки. 1995. № 2. С. 53–63.
16. Элиот Т.С. Назначение поэзии. Статьи о литера-
туре. Перевод с английского. Киев: AirLand;
М.: ЗАО “Совершенство”, 1996. 352 с.
17. Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс,
1987. 464 с.
18. Большой толковый словарь русского языка / Под
ред. Д.Н. Ушакова. М.: ООО “Издательство АСТ”;
ООО “Издательство Астрель”, 2004. 1268 с.
19. Тарасова И.А. Поэтическое слово Георгия Иванова
в лексикографическом представлении // Г.В. Ива-
нов: Материалы и исследования: 1894–1958: Меж-
дународная научная конференция. М.: Изд-во Ли-
тературного института им. А.М. Горького, 2011.
С. 55–65.
20. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На
материале русской художественной литературы
XVIII–XX веков. В 2 т. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС,
2007. 848 с.
21. Тарасова И.А. Словарь ключевых слов поэзии Ге-
оргия Иванова. Саратов: Издательский центр
“Наука”, 2008. 208 с.
22. Василевская А.Л. Семантическая структура поэзии
Георгия Иванова: тематика и образный мир: ав-
тореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2008.
24 с.
23. Колобаева Л.А. Русский символизм. М.: Изд-во
Моск. ун-та, 2000. 296 с.
24. Гапеевкова М.Ю. Трагизм мироощущения в эми-
грантской поэзии Георгия Иванова: автореф. дис. ...
канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2006. 16 с.
- World], 2015. Vol. 5. Available at: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2015/5/15skv-pr.html. (In Russ.)
5. Ivanov, G.V. *Izbrannye pis'ma raznykh let. Pod red. L.M. Surisa* [Collected Letters of Different Years. Suris, L.M., Ed.]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2016. 237 p. (In Russ.)
6. Krejd, V.P. *Georgij Ivanov* [Georgy Ivanov]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2007. 430 p. (In Russ.)
7. Bak, D.P. “*Pozhiznennoe detstvo*”. *Poehziya i pravda Igorya Melameda* [Lifelong Childhood. The Poetry and the Truth of Igor Melamed]. Melamed, I.S. *Arfa serafima: Stihotvoreniya i perevody* [Seraph's Harp. Lyrics and Translations]. Moscow, OGI Publ., 2015, pp. 5–27. (In Russ.)
8. Melamed, I.S. *O poehzii i poehtah: EHsse i stat'i* [On Poetry and Poets: Essays and Articles]. Moscow, OGI Publ., 2014. 204 p. (In Russ.)
9. Melamed, I.S. *Arfa serafima: Stihotvoreniya i perevody* [Seraph's Harp. Lyrics and Translations]. Moscow, OGI Publ., 2015. 380 p. (In Russ.)
10. Aryev, A. Yu. *Zhizn' Georgiya Ivanova. Dokumental'noe povestvovanie* [Georgy Ivanov's Life. Documentary Narrative]. St. Petersburg, ZAO Zhurnal “Zvezda” Publ., 2009. 488 p. (In Russ.)
11. Fomenko, I.V. *Citata* [Quote]. *Vvedenie v literaturove-
denie: uchebnik dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij. Pod red. L.V. Chernec* [Introduction in Literary Studies. Chernec, L.V., Ed.]. Moscow, Izdatel'skij centr “Akademiy” Publ., 2010, pp. 506–517. (In Russ.)
12. Nalegach, N.V. I. *Annenskij i russkaya poehziya 19 veka: avtoref. dis. ... doktora filol. nauk* [Annensky and Russian Poetry of the 19th Century]. Kemerovo, 2013. 41 p. (In Russ.)
13. Ivanov, G.V. *Sobr. soch.: V 3 t.* [Collected Works: in 3 Vols.]. Moscow, Soglasie Publ., 1994, Vol. 1. 656 p. (In Russ.)
14. Bakhtin, M.M. *Problemy poehtiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoyevsky's Poetics]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2017. 416 p. (In Russ.)
15. Fateeva, N.A. *Avtokommunikaciya kak sposob razver-
tyvaniya liricheskogo teksta* [Autocommunication as a Way of a Lyric Text's Expansion]. *Filologicheskie nau-
ki* [Philological Sciences], 1995, Vol. 2, pp. 53–63. (In Russ.)
16. Eliot, T.S. *Naznachenie poehzii. Stat'i o literature. Perevod s anglijskogo* [T.S. Eliot. The Use of Poetry. Articles about Literature. Translated]. Kiev, AirLand Publ.; Moscow, ZAO “Sovershenstvo” Publ., 1996. 352 p. (In Russ.)
17. Jakobson, R.O. *Raboty po poehtike* [Works on Poe-
tics]. Moscow, Progress Publ., 1987. 464 p. (In Russ.)
18. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. Pod red. D.N. Ushakova* [Russian Definition Dictionary. Ushakov, D.N., Ed.]. Moscow, ООО “Izdatel'stvo AST”,

REFERENCES

1. Kravcov, K.P. *Uroki Igorya Melameda* [Igor Melamed's Lessons]. *Kul'turnaya ehvolyuciya* [Cultural Evolution]. Available at: <http://yarcenr.ru/blogs/konstantin-kravtsov/uroki-igorya-melameda/>. (In Russ.)
2. Kulle, V.A. *Sushchestvo poehzii* [A Poetry's Essence]. *Svoj variant* [Own Alternative]. Available at: <http://mspu.org.ua/recense/2162-sushhestvo-poyezii.html>. (In Russ.)
3. Ivanova, E.A. *Poeht katastroficheskogo soznaniya. Pamyati Igorya Melameda* [The Poet of Catastrophic Consciousness. In Memory of Igor' Melamed]. *Prosodia*, 2015. Vol. 3. Available at: <http://prosodia.ru/?p=1174>. (In Russ.)
4. Skvorcov, A.E. *Netolerantnaya ehstetika (Igor Melamed. O poehzii i poehtah)* [Intolerant Aesthetics. (Igor Melamed. On Poetry and Poets)]. *Novyj mir* [The New

- ООО "Izdatel'stvo Astrel'" Publ., 2004. 1268 p. (In Russ.)
19. Tarasova, I.A. *Poehticheskoe slovo Georgiya Ivanova v leksikograficheskom predstavlenii* [Georgy Ivanov's Poetic Word in Lexicographical View]. *G. V. Ivanov: Materialy i issledovaniya: 1894—1958: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya* [Ivanov, G.V.: Materials and Research: International Science Conference]. Moscow, Izd-vo Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo Publ., 2011, pp. 55—65. (In Russ.)
20. Pavlovich, N.V. *Slovar' poehticheskikh obrazov: Na materiale russkoj hudozhestvennoj literatury XVIII—XX vekov. V 2 t.* [Poetic Images' Thesaurus: on the Materials of Russian Fiction of the 18th, 19th and 20th Centuries: in 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2007. 848 p. (In Russ.)
21. Tarasova, I.A. *Slovar' klyuchevykh slov poezii Georgiya Ivanova* [Keywords of Georgy Ivanov's Poetry: Thesaurus]. Saratov, Izdatel'skij centr "Nauka" Publ., 2008. 208 p. (In Russ.)
22. Vasilevskaya, A.L. *Semanticheskaya struktura poezii Georgiya Ivanova: tematika i obraznyj mir: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic Structure of Georgy Ivanov's Poetry: Topics and Imaginative World]. Smolensk, 2008. 24 p. (In Russ.)
23. Kolobaeva, L.A. *Russkij simvolizm* [Russian Symbolism]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 2000. 296 p. (In Russ.)
24. Gapeenkova, M. Yu. *Tragizm mirooshchushcheniya v eh migrantskoj poezii Georgiya Ivanova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Tragicalness of Mental Outlook in Georgy Ivanov's Émigré Poetry]. Nizhny Novgorod, 2006. 16 p. (In Russ.)